

Волков.

От Владикавказа до Тифлиса

Н. Волковъ.

Отъ Владикавказа до Тифлиса

по Военно-Грузинской дорогѣ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Съ рисунками.

ЦѢНА 1 РУБ.

Владикавказъ.
ТИП. Р. СЕГАЛЬ И С-ВЬЯ.
1902.

Н. Волковъ.

Отъ Владикавказа до Тифлиса

по Военно-Грузинской дорогѣ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Владикавказъ.
Тип. Р. Сегаль и С-вья.
1902.

Дозволено Цензурою 26 Іюля 1902 года. Г. Тифлисъ.

Путевыя впечатлѣнія по поѣздкѣ изъ Владикавказа до Тифлиса.

Было пасмурно, когда я выѣзжалъ изъ Владикавказа утромъ 26 сентября 1901 года. У насъ осень вступала мало-по-малу въ свои права: пожелтѣвшіе и покраснѣвшіе листья деревьевъ уже значительно опали, мѣстами собрались въ кучи и лежали слоями на довольно влажной землѣ; благодаря предшествовавшимъ холоднымъ ночамъ и сырой температурѣ, ощущалась потребность въ болѣе теплой одеждѣ. А потому я, отправляясь въ каретѣ до Тифлиса по Военно-Грузинскому тракту, одѣлся возможно теплѣе и даже запасся шубой. Но неустойчивость нашей погоды скоро дала знать себя, особенно въ горахъ. Туманъ, по мѣрѣ удаленія нашего по шоссе, все болѣе и болѣе разсѣивался, становилось свѣтло и наконецъ ярко и тепло отъ солнечныхъ лучей, грѣвшихъ какъ въ добрый лѣтній день. Окрестныя горы, дотолѣ сокрытыя въ облакахъ и туманѣ, открывались нашему взору во всемъ ихъ грандіозномъ величіи и мощной красотѣ. Вотъ мы проѣхали казачій постъ Редантъ и т. наз. «Новый редантъ», увеселительное загородное мѣсто; приближаемся къ первой станціи Балтѣ (на выс. 2754 фут.). Отсюда видна, какъ говорится, «рукою подать», наша красавица Столовая гора (Матъ-хохъ). Начинаемъ вступать въ близкое сосѣдство Кавказскихъ громадъ, еще покрытыхъ на большомъ разстояніи зелеными деревьями, кустами, и ниже, по долинѣ журчащаго и мѣняющаго свое прихотливое ложе Терека, довольно яркою травою. Перемѣняемъ 4-хъ лошадей уже на шесть и поднимаемся въ горы все выше и удаляемся отъ Владикавказа все дальше, къ ст. Ларсъ, на 29-й верстѣ отъ города и 17-й отъ Балты. Черезъ нѣкоторое время вступаемъ въ

первое по дорогѣ ущелье, Джераховское, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ все болѣе съуживающееся. Передъ нимъ довольно значительное казачье укрѣпленіе *), построенное въ виду не совсѣмъ скромныхъ по отношенію къ путникамъ горныхъ поселенцевъ ингушей, а далѣе и осетинъ, бывшихъ когда-то феодаловъ на этомъ пути, съ ихъ полуразрушенными сторожевыми башнями и бѣдными аулами. На 14-й верстѣ отъ Балты въѣзжаемъ въ первую осетинскую деревню Ларсъ. По сторонамъ дороги расположены домики-сакли, ближе къ скалѣ виднѣется церковка-часовенка съ небольшой деревянной колоколенкой. Тутъ на скалѣ стоитъ хорошо еще сохранившаяся сторожевая башня владѣльцевъ Дударовыхъ. По мѣрѣ нашего движенія впередъ, мы все болѣе и болѣе вступаемъ въ лабиринтъ горнаго ущелья, знаменитаго не только на Кавказѣ, но и во всей Европѣ, это грозный Дарьялъ или Тагаурская тѣснина, примѣчательная своей глубиной, неприступностью скалъ, отвѣсно расположенныхъ какъ исполинскія стѣны, которыя «таинственной дремоты полны». Терекъ здѣсь не журчитъ ужъ, а шумно бурлитъ и катитъ пѣнистыя волны по гранитному руслу, поднимая мѣстами бѣлые гребни воды. Онъ здѣсь, по выраженію поэта, «играетъ въ свирѣпомъ весельи и лижетъ утесы голодной волной». Горы мертвѣютъ, твердыни ихъ становятся все голѣе: сверху песчаникъ замѣняется сланцемъ разныхъ видовъ, а снизу твердымъ гранитомъ и шиферомъ. Въ этомъ громадномъ коридорѣ сверху горъ небо виднѣется ввидѣ голубой покрыши-потолка, окаймленнаго тамъ и сямъ, на подобіе бордюра, бѣлыми и матовыми облаками. Отсюда все чаще и чаще встрѣчаются на живописныхъ вершинахъ скалъ полуразрушенныя и очень немногія уцѣлѣвшія средневѣковыя башни-замки и каменные аулы, скучено и мрачно гнѣздящіеся по уступамъ. Они не обладаютъ красотой, зато величественны по своей недоступности для насъ ѣдущихъ путниковъ. Они какъ бы выростаютъ изъ горъ и кажутся одного съ ними темно-глинистаго цвѣта. При входѣ въ Дарьяльское ущелье дорога измѣняется,

*) Построено оно въ 1848 г.

неутомимая рука человѣка создала для себя болѣе удобный путь, чѣмъ онъ былъ, какъ и теперь еще замѣтно, прежде,— мы переѣзжаемъ по очень прочному мосту (Чертовъ мостъ) на правый берегъ Терека, подоль котораго стоитъ небольшое Дарьяльское укрѣпленіе съ казачьимъ постомъ; укрѣпленіе это занимаетъ нѣсколько десятковъ кв. саженъ; по угламъ его, къ Тереку, двѣ порядочныя круглыя башни-бойницы. Видъ этого укрѣпленія недуренъ, но мы начинаемъ любоваться противоположнымъ горнымъ уступомъ-утесомъ и площадью его съ остатками-развалинами знаменитаго древняго «замка царицы Тамары», или по другимъ версіямъ, княгини амазонокъ Дарьи. Тутъ невольно вспоминается популярная баллада вдохновеннаго пѣвца красотъ Кавказа Лермонтова:

„Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ.
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла...“

Кромѣ легендарныхъ сказаній объ этомъ замкѣ, существуютъ и болѣе вѣроятныя, т. е. исторически необходимыя. Издавна грузинскіе цари, для защиты своихъ владѣній отъ вторженій кавказскихъ горцевъ и кочевниковъ прикаспійскихъ степей, строили по Дарьяльской тѣснинѣ подобные замки и держали въ нихъ свои гарнизоны. Съ одной стороны Дарьяла была, какъ говорятъ грузинскія лѣтописи, построена даже крѣпкая стѣна, преграждавшая тѣснину со стороны Грузіи, а на правомъ берегу Терека была большая башня съ замкомъ царя Давида-Возобновителя. Но слѣдовъ отъ этихъ памятниковъ былого до настоящаго времени не сохранилось, кромѣ вышеупомянутыхъ развалинъ, съ каждымъ годомъ тоже понемногу исчезающихъ. Налѣво открывается взору большое Кистинское ущелье, уходящее въ глубь горъ главнаго хребта; съ этого ущелья стремительно несется въ Терекъ довольно большая

рѣчка Кистинка. Шумъ отъ нея далеко разносится по ущелью. А вотъ и знаменитый Девдоракъ, профиль котораго и понынѣ говоритъ о неимовѣрномъ движенiи колоссальной силы одного изъ большихъ казбекскихъ глетчеровъ, разрушившаго ближайшiя горы и заложившаго своей массой льду и камнями громадное пространство, версты на двѣ въ длину и въ нѣсколько сотенъ тысячъ саженей въ объемѣ. Переѣзжаемъ по желѣзному мосту черезъ этотъ притокъ Терека, рѣчку Кистинку, и отсюда видимъ въ глубинѣ Девдоракскаго ущелья бѣлоснѣжный стражъ главнаго хребта, нашъ величественный Казбекъ, а подъ нимъ, въ широкомъ ущельѣ, и теперь еще ни чѣмъ не застрахованномъ, былой хаосъ и разрушенiе. Тутъ видны массы обломковъ скалъ всевозможныхъ породъ и размѣровъ; онѣ разбросаны въ страшномъ безпорядвѣ по дну и скатамъ ущелья, всюду замѣтны каменные обвалы и слѣды прежнихъ ледяныхъ и снѣжныхъ заваловъ... Кондукторъ нашъ напоминаетъ намъ и указываетъ влѣво на тропу въ обходъ обвала одного изъ послѣднихъ перiодовъ, въ 1832 году, о чемъ на лѣвой скалѣ гласитъ начертанная надпись *). Картина этого грандiознаго обвала хорошо воспроизведена на полотнѣ покойнаго художника Айвазовскаго. Проѣзжаемъ съ версту и опять новымъ желѣзнымъ мостомъ, называемымъ Гулетскимъ (Александровскимъ), переправляемся на лѣвый берегъ Терека. Тутъ у самой дороги минуемъ небольшой домикъ-сторожку. Онъ не представляетъ изъ себя ничего оригинальнаго, но очень важенъ для туристовъ. Отсюда, обыкновенно, они съ проводниками пѣшiе или конные отправляются по тропѣ на Девдоракскiй ледникъ, гдѣ на всемъ пути и тамъ, въ сосѣдствѣ льдовъ и вѣчныхъ снѣговъ, испытываютъ они необыкновенно прiятныя ощущенiя и лицезрѣютъ великолѣпныя горныя виды. Тутъ невольно вспомнилъ я своего хорошаго прiятеля С. М. Тарасова, которому нѣсколько разъ удалось побывать на ледникѣ, вспомнилъ его восторженное описанiе экскурсiи съ воспитанниками графа Лорисъ-Меликова

*) Послѣднiе обвалы были въ 1776, 1785, 1806, 1810, 1832, 1842, 1855 и 1891 гг.

ремесленнаго училища *). Пожалѣлъ, что самъ не могъ быть тамъ, да и не скоро еще буду здѣсь, такъ какъ спѣшу на продолжительное время въ Тифлисъ. Проѣхавъ мрачную тѣснину Дарьяла, мы поднимаемся на значительную высоту по искусно и съ неимовѣрнымъ трудомъ высѣченной въ неприступныхъ скалахъ дорогѣ. Лабиринтъ горъ все продолжается. Подъемъ высокъ и тянется болѣе чѣмъ на десятокъ верстъ. Нашъ цугъ лошадей еле ступаетъ, хотя дорога кажется вблизи и ровною,— она прекрасно сдѣлана и хорошо нивеллирована; «жестка она для копыта, но и пылью (мѣстами) немного богата» **). Медленно, а поднимается все выше и удаляется дальше, это особенно замѣтно, когда оглядываемся назадъ и наблюдаемъ прежніе пункты удаленія. А хочется скорѣе миновать данный путь, и не безъ причины: какъ ни засматривайся на величественныя скалы, какъ ни слѣди за ихъ уступами, кряжами, наслоеніями, выбоинами, окраской и т. д., но все-же онѣ очень грозны, мѣстами нависли надъ вашей головою, какъ будто преграждаютъ вамъ путь, или готовы распластать васъ вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми какимъ-нибудь своимъ «камешкомъ»; что иногда и бываетъ, когда свергается какой-либо изъ нихъ сверху. Это съ одной стороны, а съ другой—головокружительный обрывъ внизъ на нѣсколько сотъ футовъ къ неистово ревущему Тереку. Подчасъ мы ѣдемъ у самаго края этого спуска... испугъ или невѣрный шагъ одной пристяжной и,—тогда не сосчитать нашихъ костей. Хороша дорога, но немного узка, а главное, загородка ея отъ пропасти слишкомъ миніатюрна; въ этомъ отношеніи вѣдомство путей сообщенія скупо, хотя матеріалъ подъ бокомъ. Сдѣлать ее въ 2—1$^1/_2$ раза болѣе давно бы слѣдовало. Наконецъ, горы расходятся и мы спускаемся въ обширную котло-

---

*) Описаніе этой экскурсіи напечатано въ «Терск. Вѣд.» за **1895** г. и затѣмъ издано отдѣльной брошюрой.

**) Упомянемъ кстати о теперешнемъ экипажномъ движеніи по Военно-Грузинскому тракту. Съ проложеніемъ новаго обходного (желѣзнодорожнаго) пути въ Закавказье, Военно-Грузинская дорога значительно упала въ смыслѣ прежнихъ удобствъ проѣзда по ней. Пассажирскіе экипажи, правда, остались все тѣ же, но лошади замѣтно измѣнились: нѣтъ прежнихъ сытыхъ, выносливыхъ, быстро несущихъ васъ лошадей. Въ виду, вѣроятно, большого сокращенія разгона и почтоваго сообщенія, контрагентша

вину, дно которой, гдѣ стоитъ станція Казбекъ, находится на высотѣ 5,681 ф. надъ уровнемъ моря. Картина оживляется. Мы въ новой странѣ. И не будь справа этой котловины стараго нашего знакомца, сѣдого царя Казбека, мы могли бы вообразить, что пріѣхали въ иное, «волшебное царство». Подъѣзжаемъ къ большому грузинскому соименному со станціей селенію, раньше называвшемуся Степанъ-Цминда. Обращаемъ вниманіе на постройки его, храмъ въ немъ и узнаемъ, что около храма схороненъ одинъ изъ потомковъ владѣльца этой мѣстности, поэтъ Казбекъ; тутъ же выдѣляется высокій домъ настоящаго владѣльца здѣшнихъ земель, генерала Казбека, проживающаго, какъ говорятъ, въ Варшавѣ и только лѣтомъ пребывающаго въ сел. Казбекъ. Подъѣзжаемъ къ станціи Казбекъ (на 44-й верстѣ отъ Владикавказа), слезаемъ съ кареты, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться обѣдомъ. Но не можемъ еще оторваться отъ чуднаго зрѣлища. Любуемся горою Казбекомъ и ближайшимъ отрогомъ его, Квенемъ-Мта, на немъ красиво вырисовывается при голубомъ фонѣ неба древній православный храмъ Цминда-Самеба, мѣсто поклоненія окрестныхъ жителей и владикавказцевъ въ день Успенія, 15 августа. Впереди станціи разбитъ цвѣтникъ и устроенъ изъ разноцвѣтнаго дарьяльскаго камня памятникъ-фонтанъ. Онъ состоитъ изъ пьедестала съ вертикальною плитою. Сверху на плитѣ помѣщенъ государственный гербъ, а снизу львиная голова, изливающая въ каменную раковину родниковую воду. На оборотной сторонѣ плиты прибита металлическая доска съ слѣдующею надписью: «Въ благополучное царствованіе Государя Императора Александра III, въ 20 день сентября 1888 года, Государыня Императрица Марія Феодоровна съ Августѣйшими Сыновьями—Ихъ Императорскими Высоче-

---

г-жа Ибрагимбекова распорядилась уменьшить число лошадей на каждой станціи, а этимъ наличнымъ экономно сократила суточный кормъ; ямщикамъ же и подъямщикамъ урѣзала мѣсячное жалованье. Вслѣдствіе сихъ распорядковъ лошади оказываются слабосильными, а возницы небрежными. Жаль, если окончательно запустѣетъ эта капитальнѣйшая и дорого стоющая правительству дорога. Сооруженіе ея, со времени перехода дороги изъ военнаго вѣдомства въ вѣдѣніе управленія путей сообщенія въ 1811 году, стоитъ, какъ говорятъ, до 20 милліоновъ, да мромѣ того, нѣсколькихъ сотенъ тысячъ ежегодныхъ субсидій.

ствами Наслѣдниковъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ изволили посѣтить станцію «Казбекъ.» Посѣщеніе это Кавказа впервые совершено русской Государыней Императрицей». Постройки въ селеніи Казбекъ и ближайшихъ ауловъ сдѣланы самымъ примитивнымъ способомъ: всѣ сакли сложены изъ необтесанныхъ, довольно крупныхъ камней и разбросаны онѣ въ видимомъ безпорядкѣ. Станція же весьма чистенькое зданіе, съ приличнымъ буфетомъ и комнатами для проѣзжающихъ. Здѣсь предлогали намъ купить что-нибудь изъ мѣстныхъ рѣдкостей. Мы замѣтили нѣсколько турьихъ роговъ,—трофеи охоты здѣшнихъ жителей на горныхъ барановъ, этихъ благородныхъ животныхъ, ютящихся на высокихъ скалахъ и ледникахъ, впрочемъ, съ каждымъ годомъ все болѣе исчезающихъ, или далеко удаляющихся въ неприступныя для самыхъ отважныхъ охотниковъ горы. Вслѣдствіе этого и цѣна на нихъ все болѣе возрастаетъ, да и мало встрѣчается теперь въ продажѣ рѣдкихъ экземпляровъ ихъ. Охота на туровъ чрезвычайно трудна и представляетъ много особенностей. Мнѣ приходилось читать подробности о ней въ описаніи нѣкоторыхъ туристовъ, напр. г. Динника, непосредственно участвовавшаго въ ней съ мѣстными охотниками *). Продается здѣсь также горный хрусталь, сѣрный колчеданъ и нѣк. другія руды и камни. Мальчики-туземцы, завидя пассажирскій экипажъ, окружаютъ его и предлогаютъ купить все это. Въ Казбекской котловинѣ и далѣе отъ нея замѣтно земледѣліе и скотоводство. Каждая пядь годной земли здѣсь обрабатывается. Усилій къ тому не мало. Склоны горъ круты и каменисты, лѣто непродолжительно. Нѣкоторыми жителями арендуются и владѣльческія земли, болѣе обширныя и удобныя, чѣмъ на крутизнахъ. За послѣднее время немногіе хозяева стали засѣвать озимый хлѣбъ и результаты ихъ, какъ мы удостовѣрились, удаются, что подтвердилъ и нашъ ямщикъ-грузинъ. Мы встрѣтили на горахъ нѣсколько ярко-зеленыхъ нивъ, такъ пріятно въ осеннее время ласкающихъ взоръ. Вмѣ-

---

*) См. Н. Динникъ. На ледникахъ Казбека. Жур. «Природа и Охота» 1897 г. Кн. 3.

стѣ съ этой новостью мы узнали и о томъ, что населеніе стремится и къ просвѣщенію, но ощущается большой недостатокъ въ школахъ. Кое-гдѣ есть, кажется, школы грамоты; мальчики бѣгаютъ въ нихъ съ охотой за нѣсколько верстъ. Семьи не прочь посылать въ школы, если не всѣхъ дѣтей, то изъ двухъ, трехъ братьевъ, хотя одного. Слѣдовало бы притти на помощь имъ и устроить по болѣе оживленнымъ нунктамъ разсадники грамотности. Починъ въ этомъ долженъ быть со стороны правительства, такъ какъ здѣшнія общества сами по себѣ очень бѣдны. Съ казбекской котловины издавна пошло Христово ученіе, какъ указываютъ грузинскіе историки, еще со временъ Андрея Первозваннаго. Если бы оно постоянно и должнымъ образомъ поддерживалось, то достигло бы теперь большихъ результатовъ. Здѣсь много было святынь, изъ коихъ уцѣлѣлъ только на вышеупомянутой горѣ, въ виду Казбека, Квенемъ-Мтѣ, очень древній храмъ во имя св. Троицы (Цминда-Самеба), но и настоящая святыня, ни кѣмъ не поддерживаемая, приходить въ окончательный упадокъ. Ближайшій къ сел. Казбеку аулъ Гергеты, населенный грузинами, находится слѣва у подошвы горы Квенемъ-Мты. Отсюда начинается дорога на Гергетскій ледникъ, который еще грандіознѣе, чѣмъ Девдоракскій. Теперь мы подымаемся по правому берегу Терека все выше въ гору; наша котловина начинаетъ скрываться, но Казбекъ еще красуется во всемъ своемъ классическомъ величіи, онъ надъ темными горами, «какъ грань алмаза, снѣгами вѣчными сіяетъ». Горы начинаютъ съуживаться, въѣзжаемъ въ новое ущелье, Хевское; оно также мрачно, но шире Дарьяльскаго; растительности на скалахъ его не видно,—онѣ состоятъ изъ твердыхъ породъ и порфира. Съ этого ущелья попадаются все чаще аулы горныхъ осетинъ и грузинъ. Они лѣпятся по склонамъ. Типичнымъ признакомъ ихъ—высокія каменныя четыреугольныя башни. Таковые аулы показываются и ниже скалъ, въ долинахъ ущелій, опускающихся къ Военно-Грузинскому шоссе. Вотъ пересѣкаемъ правый притокъ Терека, Черную рѣчку, вытекающую изъ такъ наз. Гудошаурскаго ущелья, въ глубинѣ котораго красиво расположенъ аулъ Цно; а вотъ и еще

ущелье съ Безыменной рѣчкой: съ одной стороны его развалины какого-то аула съ храмомъ, съ другой высится старая съ очень высокою башнею крѣпость Сіонъ, а подлѣ нея значительный по величинѣ грузинскій аулъ съ стариннымъ горскимъ храмомъ. За Терекомъ же виднѣется небольшой аулъ Горисъ-Цихе. Отсюда дорога поднимается зигзагами къ грузинскому аулу Каноби; онъ расположенъ предъ дорогою амфитеатромъ. А вотъ и станція Коби; она лежитъ на 61 съ $^1/_4$ верстѣ отъ Владикавказа, у подошвы краснопорфирной скалы, какъ бы ограждающей ее отъ непогодъ. Не совсѣмъ свѣтлое, пріятное настроеніе охватываетъ путника на новомъ мѣстѣ. Чувствуешь себя первое время будто въ крѣпости, самой природой созданной. Осматриваешься вокругъ, замѣчаешь, какъ сходятся цѣлыхъ четыре ущелья въ эту мѣстность: сзади Хевское, справа такъ наз. Трусовское, слѣва Ухатское, по которому протекаетъ рѣчка Ухать-дагъ, восточный притокъ Терека *), а прямо предстоитъ Байдарское ущелье, съ рѣчкой того же имени. Оно знаменито снѣговыми завалами. Ущелья, рѣки... а гдѣ они, тамъ и люди. Здѣсь грузины издавна проживаютъ въ нѣсколькихъ аулахъ. Направо отъ дороги аулъ Коби; въ немъ построена въ византійскомъ стилѣ небольшая церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца, а слѣва отъ дороги—каменный крестъ съ иконою сего патрона. Минуемъ аулъ и ѣдемъ частыми и крутыми поворотами все въ гору, переходимъ иногда по каменнымъ мостамъ съ одного берега рѣчки Байдары на другой. За вторымъ мостомъ находится источникъ на подобіе «нарзана». Вспоминаемъ, что нашлись частные предприниматели, желающіе эксплоатировать воду этого источника, какъ весьма полезную. Наконецъ-то и это богатство дождалось своего назначенія. При выѣздѣ нашемъ изъ Коби, мы одѣлись потеплѣе, я накинулъ шубу и приподнялъ воротникъ, ибо съ ущелья подулъ холодный вѣтеръ. Въ этомъ ущельи всегда бываетъ болѣе или менѣе холодно. Дорога по ущелью поднимается на высокую точку Кавказскаго перевала. Достопримѣчательно оно, какъ я уже сказалъ,

*) Здѣсь мы прощаемся съ Терекомъ, который поворачиваетъ направо къ горѣ Сивераутъ, откуда беретъ свое начало и течетъ на сѣверъ.

снѣговыми завалами, которые падаютъ преимущественно съ декабря до второй половины апрѣля. Оно богато разнообразіемъ флоры, горными минеральными источниками и породами минераловъ; славится же своей высотою, доходящею на 10-й верстѣ отъ ст. Коби до 7694 футовъ. Этотъ перевалъ главнаго хребта, ведущій съ Сѣвернаго Кавказа въ Закавказье, носитъ названіе Крестоваго, по имени креста, стоящаго въ 200 саж. отъ дороги. Существуетъ преданіе, что этотъ крестъ впервые поставленъ грузинскимъ царемъ Давидомъ Возобновителемъ, дѣдомъ славной царицы Грузіи Тамары, жив. въ XII вѣкѣ. Крестъ реставрированъ въ 1824 году намѣстникомъ Кавказа генер. Ермоловымъ и отъ этого носитъ названіе еще «Ермоловскаго». На наивысшей точкѣ перевала стоитъ еще обелискъ, съ обозначеніемъ футовъ высоты. Недалеко отъ обелиска помѣщается метеорологическая станція. На всемъ пути встрѣчается нѣсколько казармъ для рабочихъ, такъ необходимыхъ здѣсь, особенно во время мятелей, снѣжныхъ заваловъ и заносовъ. Кромѣ того, по сѣверному и южному склонамъ въ очень опасныхъ мѣстахъ устроены каменныя траншеи-галлереи въ нѣсколько десятковъ саженей длины; такія же и вновь строятся. Воздухъ на перевалѣ весьма рѣдокъ, чистъ и свѣжъ; лазурь неба ярко-голубая, а кругомъ горы и на вершинахъ ихъ снѣгъ; большія массы снѣга также и по нѣкоторымъ ущельямъ и скатамъ, воторые не успѣваютъ освободиться отъ него за лѣто, и потому покрыты имъ постоянно. Здѣсь чувство неизъяснимо гордое и пріятное само собою объемлетъ насъ. Мы видимъ себя на одной высотѣ съ вершинами кавказскихъ гигантовъ. Мы находимся на высотѣ орлинаго полета, болѣе того: на «тронѣ Кавказа», какъ выразился одинъ наблюдатель. А великій Пушкинъ, вѣроятно, этотъ-то «тронъ» и имѣлъ въ виду, когда описывалъ Кавказъ въ своемъ чудномъ стихотвореніи «Кавказъ подо мною». И теперь такъ и рвутся съ устъ характерныя строки его.

„Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады.
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени."

Дѣйствительно, если бы не мѣшали зубцы и куполы окружающихъ горъ, то и каждому, менѣе вдохновенному, путнику отсюда представился бы прекрасный и необъятный горизонтъ вокругъ. Спускаемся съ перевала къ прежней границѣ Грузіи, наз. нынѣ Чертовой (отъ слова черта) долиной; долина эта изобилуетъ нагроможденіемъ гигантскихъ камней; по сторонамъ ея хаотическое нагроможденіе скалъ, утесовъ, сцѣпленіе овраговъ и ущелій и множество толпящихся другъ къ другу горъ. Въ общемъ панорама здѣшняго горнаго царства величественно-безолаберна и въ своемъ космическомъ образованіи загадочна. Туземцы, постоянно созерцающіе свои горы, не даромъ сложили много таинственныхъ сказаній про нихъ. Въ ряду легендъ особенно извѣстны про Гудъ-гору, приносящую въ зимнее время сильныя вьюги-мятели и непроглядную мглу, а также и про сосѣдей ея, горъ «Семь братьевъ» и «Чертово кресло». Легенды объ этихъ горахъ послужили варіаціями въ стихахъ и прозѣ для лучшихъ нашихъ писателей. Воспроизвожу здѣсь для моихъ читателей въ самомъ первоначальномъ видѣ цѣликомъ одну изъ нихъ, о происхожденіи по суевѣрному понятію горцевъ вышесказаннаго горнаго хаоса. ...«А было время, повѣствуетъ легенда, когда Кавказъ представлялъ рядъ плодоносныхъ горъ, вполнѣ доступныхъ и покрытыхъ зеленью. Въ тѣ времена на самой высокой горѣ жилъ одинъ любимый Богомъ отшельникъ, котораго постоянно приходилъ мучить дьяволъ. Наконецъ, отшельникъ испросилъ у Бога позволенія заставить сатану разъ навсегда раскаяться за причиняемые имъ соблазны. Богъ разрѣшилъ ему, не спрашивая даже о средствахъ, какія будутъ имъ приняты для достиженія этой цѣли. Отшельникъ раскалилъ щипцы и когда дьяволъ, по своему обыкновенію, просунулъ голову въ дверь, святой человѣкъ призвалъ имя Божіе и

схватилъ сатану за носъ раскаленными щипцами. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерялся и началъ плясать по горѣ, ударяя своимъ хвостомъ по Кавказу отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Отъ ударовъ хвоста сатаны и образовались эти долины, ущелья, овраги, которые перекрещиваются такимъ страннымъ образомъ.» Въ легендѣ же про Гудъ-гору, передаваемой со многими варіантами, говорится о прежнемъ цвѣтущемъ состояніи Чертовой долины, которая потому называлась «Долиной Блаженства». «Чудна была тогда эта долина: надъ собой она видѣла вѣчно улыбающееся, ясное безоблачное небо. Склоны Гудъ-горы были покрыты пышною зеленью, среди которой красовались гордыя лиліи, дикій нарцисъ, стыдливыя фіалки... Внизу, изъ-подъ скалы вытекалъ источникъ «Безсмертія», а подлѣ лѣпился иронскій аулъ, окруженный дѣвственнымъ лѣсомъ; въ лѣсу играли на волѣ серны и джейраны, а на деревьяхъ пѣли райскія птицы. Прекрасна была долина, продолжаетъ легенда, ибо ей покровительствовалъ всемогущій древній духъ горы Гудъ. Въ то время въ иронскомъ аулѣ у стараго Шатэ выростала дочь Доссанна (Нина). Иронистанъ (Осетія) еще не видалъ такой красавицы. Ея глаза напоминали ясное небо, смотрѣвшее на Долину Блеженства; ея голосъ подобенъ лепету влюбленнаго соловья Шираза; ея волосы блестѣли золотомъ; тѣло было бѣло, какъ молоко Ждейрана, губы—роза Гюржистана, а походка легка какъ у горной козочки. Немудрено, что всѣ джигиты Иронистана вздыхали по ней. И даже всемогущій духъ Гудъ-горы плѣнился красотой.» Лелѣялъ и покровительствовалъ Доссаннѣ старый Гудъ; она была царицей въ его владѣніяхъ. А черезъ это и всѣмъ жилось здѣсь счастливо и мирно. Но съ теченіемъ времени, къ великому несчастію окрестныхъ жителей, у Гуда явился соперникъ, въ лицѣ Чернаго Всадника *), по имени Арагви, владѣтельнаго джигита изъ Тагаурскаго ущелья. Храбръ и смѣлъ былъ Арагви; его пуля доставала парящаго въ облакахъ орла; хорассанскій кин-

*) Съ черными, какъ черный янтарь, глазами, съ смоляной бородой, стройный, какъ тополь, онъ былъ весь въ черномъ: черная папаха, черная бурка, вороной конь.

жалъ прокалывалъ звѣря насквозь; его знали отъ Казбека до Эльбруса, даже грозные кабардинскіе князья боялись его. Ему-то и сталъ мстить древній Гудъ. Однажды, когда Черный Владникъ сидѣлъ съ Доссанною въ саклѣ Шатэ, съ горы упала снѣжная лавина и погребла подъ собою жилище влюбленныхъ. Только на четвертый день ихъ откопали, но уже не прежними нѣжно-влюбленными: трехдневный голодъ и жажда сдѣлали жениха кровожаднымъ по отношенію къ Доссанѣ, онъ уже впился было зубами въ плечо невѣсты, какъ въ саклѣ появился свѣтъ и люди... Временно враждебный ей Черный Всадникъ выскочилъ отъ Шатэ, чтобы направиться во-свояси, но, услыхавъ крикъ Доссанны, увлекаемой горнымъ духомъ въ пещеру, онъ погнался за нимъ по пятамъ съ обнаженнымъ кинжаломъ и настигъ было, но «въ тотъ моментъ, далѣе разсказываетъ сама легенда, затрепетала Долина Блаженства, загрохоталъ громъ, сверкнули молніи... и что произошло въ нѣдрахъ горы, неизвѣстно до сихъ поръ ни одному смертному... только треснула скала, и оттуда вырвался бѣшенный Арагви, неся съ собой свою Доссанну; но Арагви не былъ тотъ страшный Черный Всадникъ—это былъ бурный потокъ Арагва, съ Дѣвою Воды—Дони Чиздимту. Зашипѣла Арагва, бросилась на Гудъ-гору и начала рвать и рушить ее, а гора разбивала ея волны—и такъ началась борьба рѣки Арагвы съ Гудъ-горой. И опустошила Арагва пышныя владѣнія Гуда; исчезъ дѣвственный лѣсъ, замолкли тамъ райскія птицы и перестали играть на волѣ серны и джейраны... источникъ «Безсмертія» былъ поглощенъ бурнымъ потокомъ... Прошли вѣка, до сихъ поръ Мтіулетская Арагва *) и Гудъ-гора не примирились, и страшна стала съ того времени долина, когда-то называвшаяся Долиной Блаженства... Въ тихую лунную ночь, вмѣстѣ съ журчаніемъ Арагвы, доносится плачъ женщины—то Доссанна,—Дѣва Воды—сидитъ на скалистомъ берегу и плачетъ по своей потерянной любви... Дѣва Воды стала вра-

*) Черная Арагва, вытекающая изъ ущелья Гудъ-горы и впадающая у Пассанаура въ Бѣлую Арагву, а послѣдняя у Мцхета въ главную рѣку Закавказья, Куру.

гомъ всѣхъ невѣстъ; и когда тѣ проходятъ чрезъ рѣку, она хватаетъ ихъ за платья, тащитъ въ воду и душитъ»...

Вспомнивъ это опоэтизированное сказаніе, я задумался и вообще надъ суевѣрнымъ міросозерцаніемъ кавказскихъ горцевъ. у которыхъ на родинѣ еще многое, напримѣръ: недосягаемые ледники, горы, покрытыя дремучими лѣсами. темныя ущелья и дикія тѣснины съ гремучими потоками и цвѣтущіе склоны долинъ,—населено въ воображеніи ихъ великанами, духами, колдунами и дивами, одухотворяющими величественную природу. Въ такомъ раздумьи я невольно засматриваюсь на сѣдого великана Гуда, стоящаго въ серебряномъ уборѣ грознымъ стражемъ надъ открывшеюся намъ долиною Арагвы... Но вотъ... и теперь, какъ на грѣхъ, погода начинаетъ рѣзко измѣняться,—сгущается туманъ, тучи нависаютъ, заволакиваются и грозный Гудъ и окрестности; впереди дорога становится темнѣе... Мы приближаемся къ ст. Гудауръ, расположенной на высотѣ 7327 ф. Отъ станціи Гудаура спускаемся по Земо-млетскому шоссе, по отвѣсному скату лѣваго берега Арагвы, въ Кайшаурскую долину. Горы еще видны, онѣ такъ близко, близко подходятъ къ намъ, а мы стремимся отъ нихъ съ быстротою паровоза внизъ и,—опять подъѣзжаемъ къ нимъ, сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ по каменистой дорогѣ-спирали, очень искусно и прочно сооруженной. Дорога эта открыта 30 августа 1861 года. Честь удачной постройки ея принадлежитъ военному инженеру Статковскому, о чемъ гласитъ въ одномъ мѣстѣ спуска вдѣланная въ скалу мраморная доска съ надписью золочеными буквами: «Шоссе сооружено при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ въ 1857—1861 гг. подполковникомъ Статковскимъ и по его же проекту въ управленіе XIII округомъ путей сообщенія ген.-маіора Альбранда». Одинъ путешественникъ, внимательно осматривавшій настоящую дорогу, такъ говоритъ о ней: «Взгляните на этотъ спускъ къ Млетамъ, на это знаменитое Барятинское шоссе; приглядитесь, какъ лѣпится оно своими зигзагами къ отвѣсному обрыву скалы, — и вы поймете, какихъ трудовъ стоило это гигантское сооруженіе. Четыре года подъ-рядъ шла работа надъ этимъ спускомъ. Порохъ, ломъ, кирка—все здѣсь имѣло самое обширное при-

мѣненіе. Цѣлые милліоны кубическихъ саженъ отрывались отъ скалы, чтобы дать мѣсто дорогѣ; а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ скала была ужъ совсѣмъ отвѣсна, складывали параллельно ей искусственную стѣну и промежутокъ наполняли камнемъ. Только при такихъ условіяхъ проложеніе полотна становилось возможнымъ». До постройки же этого замѣчательнаго спуска дорога была невозможная, она шла очень крутымъ и неудобнымъ сначала подъемомъ отъ Коби къ Крестовой, а затѣмъ еще труднѣйшимъ спускомъ черезъ Гудъ-гору на Кайшауръ и Квишеты. Художественное описаніе перваго труднѣйшаго пути мы находимъ у Пушкина въ «Путешествіи въ Арзерумъ» и у Лермонтова въ «Героѣ нашего времени». При нашемъ проѣздѣ по дорогѣ, мы замѣчаемъ, какъ по сторонамъ мелькаютъ аулы, то здѣсь, то тамъ, съ башнями и безъ оныхъ. Сакли въ нихъ и даже дома нежалкія, а порядочныя и крупныя. Видна зажиточность жителей въ аулахъ: кругомъ поля, луга, стада... Отсюда начинается «счастливый пышный край земли», воспѣтый такъ сжато, но чудно выразительно Лермонтовымъ. Дѣлаемъ послѣдній зигзагъ, спускаемся къ Арагвѣ, проѣзжаемъ по ея мосту на правый берегъ и останавливаемся у ст. Млеты (4848 ф.), мѣстѣ нашего ночлега. На станціи къ услугамъ нашимъ предоставляютъ во второмъ этажѣ чистенькій номеръ, самоваръ и ужинъ. Наконецъ, послѣ столь разнообразныхъ ощущеній и наблюденій дивныхъ картинъ горной природы, мы ложимся отдохнуть до утра. Подъ окномъ привѣтливо журчитъ «красавица» Арагва. Пріятно засыпать подъ мелодичный говоръ волнъ ея. Какая-то ласка слышится въ этомъ много и нѣжно-звучномъ водяномъ говорѣ, невольно начинаешь грезить прожитымъ и перечувствованнымъ за истекшій день, а затѣмъ переносишься въ мечтахъ и къ цѣли поѣздки... въ Тифлисъ. Вспоминаешь, что теперь тамъ въ казенномъ театрѣ опера... Будетъ итти «Демонъ». Снова увидишь при художественной обстановкѣ знакомыя картины, услышишь подобающую музыку и напѣвы, аріи, дуэты и хоры... Вотъ воображаешь себѣ, какъ хоръ грузинскихъ дѣвушекъ пришелъ къ Арагвѣ и запѣлъ:

Ходимъ мы къ Арагвѣ свѣтлой каждый
вечеръ за водой,
И кувшины наполняемъ мы студеною водой.
День и ночь бѣжитъ Арагва неустанно по
камнямъ.
Золотая плещетъ рыбка по сапфировымъ
волнамъ...

На слѣдующій день просыпаемся очень рано, съ разсвѣтомъ; умываемся свѣжей арагвской водой; выпиваемъ наскоро стаканъ чаю и въ нѣсколько минутъ снаряжаемся въ дальнѣйшій путь, въ «прекрасной Грузіи долины». Кругомъ вѣетъ утренней живительной прохладой. Окрестныя горы еще въ ночной дымкѣ, но воздухъ сравнительно тепелъ, а по мѣрѣ распространенія свѣта отъ восходящихъ солнечныхъ лучей, становится все теплѣе, пріятнѣе. Дышется легко и свободно. Осень здѣсь не вступила еще въ свои права. Поля убраны и нѣкоторыя вновь вспаханы; пастбища зеленѣютъ не послѣднею еще яркостью зелени; на иихъ видны то тамъ, то сямъ, горныя стада овецъ, козъ, иногда встрѣчаются лошади, коровы, буйволы, ослы и катеры. По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся высокія лѣсистыя горы, листва которыхъ уже понемногу начинаетъ желтѣть. Мы ѣдемъ вдоль больпой долины Арагвы, по правой сторонѣ ея.

Ланшафты здѣсь не мрачны ужъ и не грандіозны, какъ тамъ, въ главныхъ горахъ, они даже однообразны нѣсколько въ общемъ своемъ видѣ, но зато богаты разнообразіемъ и обиліемъ южной флоры. Отсюда начинаютъ встрѣчаться фруктовые сады, виноградники, рощи... Въ лѣсахъ преобладаетъ чинаръ, дубъ. букъ, грабъ, липа, кленъ, карагачъ, каштанъ, яблони, груши, кизилъ и мн. др. древесныя породы. А еще далѣе встрѣчаются орѣховыя, миндальныя, лавровыя и гранатовыя деревья. На переѣздѣ, по крайней мѣрѣ, двухъ станцій часто попадаются «звонко бѣгущіе» ручьи; они стекаютъ съ горъ въ долину, освѣжаютъ всю мѣстность и значительно питаютъ Арагву. При изобиліи растительности, богатомъ естественномъ и отчасти искусственномъ орошеніи. мягкомъ горномъ климатѣ съ возду-

хомъ, пропитанномъ ароматомъ растеній, дѣлаетъ и осень тутъ хорошимъ временемъ года. Какъ же прекрасно, надо полагать, лѣто. Вотъ станція Пасанауръ (на высотѣ 3555 ф.) въ 18$^{1}/_{2}$ в. отъ Млетъ. Она расположена у подножія покрытаго растительностью холма. Каменный двухъ-этажный домикъ ея пріютился среди зелени и напоминаетъ скорѣе хорошую дачу, чѣмъ станцію. Подлѣ нея стоитъ очень изящная небольшая каменная церковь въ русско-византійскомъ стилѣ. Сооружена она инженернымъ вѣдомствомъ во имя св. Александра Невскаго. Красивымъ планомъ, удачной отдѣлкой и окраской въ голубой цвѣтъ храмъ этотъ выдѣляется изъ всѣхъ по Военно-Грузинской дорогѣ.

Другихъ особенностей на этой станціи мы не замѣтили. Въ 21-й верстѣ отъ Пасанаура лежитъ слѣдующая станція Анануръ (2709 ф.) въ такой же роскошной по природѣ мѣстности. Близъ ст. Анануръ, очень похожей по постройкѣ на предшествовавшія станціи, расположено цѣлое селеніе того же имени. Оно на первыхъ порахъ производитъ впечатлѣніе небольшого города. Архитектура нѣкоторыхъ домовъ въ немъ недурная, съ городскимъ характеромъ. Въ нижнихъ этажахъ домовъ помѣщаются духаны и лавки, особенно на одной улицѣ, которая представляетъ изъ себя какъ бы базаръ. Населеніе въ селеніи по преимуществу грузинское. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, для воспрепятствованія занесенія чумы изъ горъ въ Грузію, въ Ананурѣ устроенъ былъ впервые нашимъ правительствомъ карантинный пунктъ, съ начальствомъ и медицинскимъ персоналомъ. Въ селеніи до сего времени существуютъ историческія достопримѣчательности. Какъ извѣстно, грузинскимъ царямъ приходилось имѣть на этомъ пути особыхъ намѣстниковъ, т. наз. эриставовъ арагвскихъ. Они ограждали государство отъ нападавшихъ горцевъ, осетинъ, лезгинъ, а иногда и отъ варварскаго меча турокъ и персовъ. Въ Ананурѣ въ такихъ видахъ устроено было прочное, по тогдашнему времени, укрѣпленіе, остатки котораго сохраняются и до-нынѣ на возвышеніи села, передъ почтовой дорогой. Укрѣпленіе съ крѣпкими еще зубчатыми стѣнами занимаетъ четыреугольную пло-

щадь. Внутри крѣпости находятся двѣ древней архитектуры церкви. Самая древняя изъ нихъ стоитъ налѣво; возведеніе ея относятъ къ IУ вѣку, когда въ Грузіи вводилось св. Ниною христіанство; теперь этотъ низенькій храмъ почти въ руинахъ; въ немъ замѣтенъ еще каменный балдахинъ надъ могилою перваго эристава Георгія, трагически покончившаго здѣсь свою жизнь. Другая очень прочная, по постройкѣ XУ вѣка, стоитъ направо; церковь эта въ честь Успенія Пресвятой Богородицы вновь отремонтирована въ 1895 году на средства, пожертвованныя Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Остальное же совсѣмъ въ развалинахъ, именно: намѣстничій дворецъ и въ южной стѣнѣ крѣпостной ограды старинная четыреугольная башня. Говорятъ, въ новомъ храмѣ была до 1737 года довольно художественная живопись на стѣнахъ и иконахъ, сдѣланная искусными греческими мастерами. Но въ томъ году живопись и барельефы испорчены кинжалами лезгинъ, вторгшихся съ мстительнымъ противникомъ Георгія, эриставомъ Шамше... Да позволятъ читатели, для иллюстраціи прежнихъ отношеній намѣстниковъ и одного важнаго паденія крѣпости, привести здѣсь страничку изъ сочиненія «*Le Caucase*» извѣст. француз. писателя *), въ переводѣ А. Андреева. Въ ней говорится слѣдующее.

Въ 1735 году персидскій шахъ Надиръ освободилъ Грузію отъ турецкаго ига и, предоставивъ странѣ имѣть своихъ собственныхъ царей, оставилъ все-таки въ Иверіи (старин. наз. Грузіи) своего намѣстника Ханжалъ-хана, избравшаго мѣстомъ жительства для себя г. Гори. Но вскорѣ оказалось, что намѣстникъ былъ много подозрительнѣе своего повелителя. Страшась сильнаго вліяпія грузинской аристократіи на народъ, онъ задумалъ однимъ ударомъ снести голову непокорному дворянству. И вотъ однажды, подъ предлогомъ предстоящаго похода на грабителей-осетинъ, онъ велѣлъ грузинскимъ князьямъ собраться къ нему въ г. Гори. Князья, не подозрѣвая злого умысла со стороны хана, въ назначенный день прибыли всѣ въ его рези-

*) А. Дюма-отца,

денцію. Но былъ среди нихъ одинъ человѣкъ, который не могъ отдѣлаться отъ предчувствія какой-то грядущей бѣды: то былъ ксанскій эриставъ, по имени Шамше. Сообщивъ свое подозрѣніе другому эриставу, Георгію, правившему областью по р. Арагвѣ и имѣвшему резиденцію въ Ананурѣ, Шамше сталъ уговаривать его бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ Гори.

«Ханъ,—говорилъ вполнѣ резонно Шамше,—не посмѣетъ сдѣлать что-либо дурное съ меньшими князьями, если сильнѣйшіе будутъ на свободѣ».

Но его доводы не вразумили Георгія, и Шамше рѣшился одинъ поднять оружіе... Отправившись на день въ одинъ изъ своихъ ближайшихъ замковъ, онъ ускользнулъ изъ рукъ вѣроломнаго хана, оставивъ, однако, въ его власти свиту и лошадей. Затѣмъ онъ поднялъ знамя возстанія противъ Ханжалъ-хана, и всѣ усилія этого послѣдняго усмирить эристава оказались тщетными. Тогда намѣстникъ, угрожаемый превосходными силами противника, принужденъ былъ освободить и остальныхъ задержанныхъ было имъ князей. Самолюбивый Шамше, ставшій такимъ образомъ спасителемъ представителей самыхъ высшихъ фамилій Грузіи, никакъ не могъ забыть того недовѣрія, какое выразилъ эриставъ арагвскій Георгій въ отвѣтъ на его предостереженіе и предложеніе бѣжать изъ Гори. Къ этой первой обидѣ присоединилась вскорѣ другая, на сей разъ уже кровная. У Шамше былъ братъ, по имени Іессей, женатый на племянницѣ царя кахетинскаго Таймураза. Проѣзжая однажды по арагвскому эриставству, онъ былъ внезапно окруженъ какими-то вооруженными людьми. Люди эти захватили весь его поѣздъ, жену и дѣтей, да и самъ онъ едва успѣлъ спастись отъ подобной же участи. Эти воины-грабители составляли одну изъ дружинъ арагвскаго эристава и находились подъ начальствомъ Георгіева брата, Барзима. Всѣхъ своихъ плѣнниковъ они доставили въ Анануръ. Такимъ образомъ увлечена была въ Анануръ Барзимомъ молодая и прелестная княжна, сестра Шамше, и «*une heur après le caleçon cerise de la pauvre princesse flottait sur le fort en manière d'étandard*».—Что же произошло съ нею? догадывается далѣе *Dumas*.—Должно быть, что-нибудь

очень серьезное, *car lors qu'elle rentra chez elle sans caleçon, l'eristaw de Ksani fit le serment d'exterminer, depuis le premier jusqu' au dernier, tous les eristaws de l'Aragwi.»* Вооруживъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ и подговоривъ хана лезгинскаго, бродившаго въ тѣхъ мѣстахъ, Шамше въ августѣ 1737 г. осадилъ Анануръ. Но крѣпокъ былъ замокъ ананурскій, и Георгій смѣялся надъ усиліями осаждавшихъ... Двѣ недѣли эриставъ ксанскій простоялъ безуспѣшно подъ стѣнами крѣпости и столь же безуспѣшно дѣлалъ приступы: Георгій стойко отражалъ штурмы и бреши въ оградѣ закладывалъ трупами убитыхъ. И только лишь измѣна нѣкоей обитательницы Ананура предала Георгія въ руки Шамше. Эта женщина указала осаждавшимъ, въ какомъ мѣстѣ лежала труба, проводившая воду изъ родника въ замокъ. Водопроводъ былъ немедленно разрушенъ, и храбрецы, изнемогавшіе отъ жажды, не въ состояніи уже были противостать послѣдней эскаладѣ, и всѣ до одного погибли на стѣнахъ замка. Георгій же съ семействомъ заперся въ цитадели, въ старой церкви. Не будучи въ состояніи проникнуть въ храмъ, Шамше приказалъ обложить его хворостомъ и поджечь этотъ послѣдній. Георгій задохся отъ дыма; все семейство его постигла та же участь. Спасена была лишь одна жена эристава; ее взяли въ плѣнъ и увезли изъ Ананура, тяжело навьючивъ похищенной тамъ добычей...

Изъ Ананура мы отправляемся къ уѣздному городу Тифлисской губ., Душету, лежащему уже на 2900 ф. н. ур. м. и пріѣзжаемъ къ двумъ часамъ дня на станцію, какъ разъ къ обѣду.

Сейчасъ же за Анануромъ шоссе измѣняетъ свое направленіе, долина р. Арагвы остается въ сторонѣ, начавшіеся холмы отбиваютъ ее влѣво. Подъемъ идетъ на Душетскія горы, совсѣмъ малолѣсныя, и вся мѣстность начинаетъ принимать чисто земледѣльческій характеръ. Горные холмы на десятиверстномъ разстояніи то повышаются, то понижаются. Здѣсь горизонтъ довольно обширный для наблюденій, но однообразный, мѣстами лишь встрѣчаются небольшія ущелья, оживляемыя не такъ быстро бѣгущими ручьями, да нѣсколько грузино-осетин-

скихъ ауловъ, двѣ-три часовни, а въ одномъ пунктѣ еще опустѣлыя казармы военнаго вѣдомства съ церковью; въ этихъ казармахъ, говорятъ, раньше помѣщался артиллерійскій паркъ. Съ 11-ой же версты начинается спускъ къ Душету; онъ продолжается на шесть верстъ до станціи. Тутъ хорошій открывается видъ на синѣющее вдали озеро, наз. Базалетскимъ. Это единственное на всемъ пути и очень большое озеро. Оно расположено на широкой равнинѣ; около него много пріютилось земледѣльческихъ поселеній. Вода въ немъ, какъ извѣстно, горьковатая и насыщенная магнезіей, дно илистое, мѣстами очень глубокое, со множествомъ піявокъ; есть въ немъ и рыба. Образованію Базалетскаго озера приводятся различныя причины. Такъ, одни полагаютъ, что оно пучина Чернаго моря, но сему мало придается вѣроятія, хотя Черное море и не такъ далеко отъ данной равнины. Другіе же разсказываютъ, что на этомъ мѣстѣ когда-то расположенъ былъ Душетъ, и вслѣдствіе землетрясенія городъ провалился, а на его мѣстѣ явилось озеро. Что, пожалуй, и вѣроятнѣе.

Вмѣстѣ съ загадочностью о происхожденіи озера много ходятъ частныхъ сказаній о немъ, какъ-то: о бездонности его, недоступности, гибели людей и т. д. Съ озера обращаемъ наше вниманіе на самый городъ Душетъ. Со спуска онъ выглядитъ очень красивымъ городкомъ, напоминающимъ россійскіе уѣздные города. Въ окрестностяхъ его много сельско-хозяйственныхъ угодій и есть старинныя святыни *). Въ городѣ каменные дома недурной архитектуры, два-три видныхъ храма; на одной сторонѣ, на возвышеніи, цѣлый рядъ большихъ казармъ для нашихъ войскъ. На поворотѣ къ станціи, отстоящей въ полъ-верстѣ отъ города, мы проѣзжаемъ мимо т. наз. «Бѣлаго замка», выстроеннаго частнымъ владѣльцемъ изъ бывшей пригородной крѣпости. Городъ остается у насъ нанизу. Сообщаемъ дополненія о немъ по путеводителю Гр. Москвича, въ которомъ сказано: «Это очень древній городъ, служившій резиденціей

*) Климатъ въ окрестностяхъ прекрасный. Городъ занимаетъ центральное положеніе среди селъ и деревень.

арагвскихъ эриставовъ. Въ 1688 г. грузинскій царь Георгій XI разгромилъ и выжегъ Душетъ со всѣми его окрестностями. (*) Городъ вновь сталъ возрождаться въ серединѣ XVIII вѣка, когда была здѣсь выстроена крѣпость. Въ 1820 году Душетъ сдѣланъ былъ уѣздн. город. и съ этого времени сталъ отстраиваться по европейскому образцу. Нынѣ въ Душетѣ насчитывается свыше 2 т. чел. населенія. По внѣшности онъ похожъ на обыкновенный уѣздный городъ, но бытъ жителей имѣетъ чисто туземный характеръ».

Тамъ же, въ путеводителѣ Григ. Москвича, приводится анекдотъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Душетѣ у городничаго, во время путешествія его по Грузіи, заимствованный изъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ". Читая этотъ анекдотъ приходитъ на размышленіе вопросъ: такъ ли это? Въ немъ изложено такое обстоятельство, что, думается, и самъ Пушкинъ не преминулъ бы упомянуть о немъ въ своемъ соч. „Путешествіе въ Арзерумъ", но тамъ мало и намека на это. За послѣднее время у насъ разныхъ воспоминаній о знаменитостяхъ появляется множество. Недавно одинъ рецензентъ „Бир. Вѣд." резонно указалъ на отрицательную сторону нѣкоторыхъ изъ нихъ, иронизируя по сему поводу и восклицая съ горечью: „Бѣдныя, бѣдныя знаменитости!" Дѣйствительно. Вотъ откопали гдѣ-то пресловутый жилетъ Гоголя и носятся съ нимъ, какъ бы съ важнымъ предметомъ для славы писателя. А одинъ даже, якобы сотоварищъ Гоголя по лицею, пишетъ о его, будтобы, феноменальной неряшливости въ лицейскіе годы. Такими красками рисуетъ онъ мнимый недостатокъ человѣка, что больно становится на душѣ. Неужели будущій сатирикъ и великій художникъ, такъ типично изобразившій намъ Плюшкина, самъ былъ хуже его въ юношескіе годы, да еще въ лицеѣ. Думается, въ старой „бурсѣ" и народной школѣ не много являлось такихъ субъектовъ. Чтожъ дѣлать... Воспоминанія!... Но для чего они?...

Подвигаемся далѣе... На четвертой верстѣ отъ Душета мы проѣзжаемъ недалеко отъ вышеупомянутаго Базалетскаго озера.

*) Когда намѣстникъ возмутился противъ царя Грузіи.

Дорога здѣсь нетрудная, ровная и широкая. Характеръ окружающей природы такой же, какъ и у Душета; вдали замѣчаются небольшіе лѣса, сады. Такой равниной мы ѣдемъ верстъ восемь, и затѣмъ снова спускаемся въ ущелье и долину тѣнистыхъ береговъ Арагвы. Впечатлѣніе мѣняется, чувствуется опять прежнее пріятное настроеніе... Всюду по сторонамъ густая растительность, опять близко лѣса. Окружающее безмолвіе порою лишь нарушается шумомъ рѣки, когда ближе приближаемся къ ней. Она то плавно скользитъ по мшистымъ камнямъ и чистыя воды ея отливаютъ изумрудомъ, то прыгаетъ она по скаламъ и искрами блещутъ брызги ея... Наконецъ, спускаемся въ новую, болѣе низменную долину, Карталинскую. Объ этой долинѣ пишутъ, что она изобилуетъ лихорадками, такъ какъ въ «извѣстныхъ мѣстахъ она густо поросла особой дикой колючкой, способствующей скопленію воды и образованію болотъ. Замѣчено, что время преимущественнаго заболѣванія лихорадкой совпадаетъ съ періодомъ цвѣтенія колючки, что дало народу поводъ видѣть причину заболѣванія въ этихъ цвѣтахъ». Вотъ у подошвы горы Палба-Цминдисъ стоитъ ни чѣмъ не замѣчательная, даже очень бѣдная, ст. Цилканы, такъ наз. по имени ближайшаго селенія съ древнею церковью и иконою, писанною, по преданію, евангелистомъ Лукою на доскѣ изъ яслей, въ кот. лежалъ Новорожденный Спаситель и занесенною сюда изъ Константинополя. Карталинская долина отъ этой станціи чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе расширяется. На ней расположено множество селеній, окруженныхъ виноградниками и садами. Въ окружныхъ селахъ есть древніе храмы, постройки которыхъ въ большинствѣ относятся къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства въ Грузіи. Сады же нѣкоторые представляютъ немалую цѣнность, какъ, напримѣръ, сады кн. Багратіонъ-Мухранскихъ.

На десятой верстѣ Карталинская долина пересѣкается рѣчкой Гартискари; она въ очень крутыхъ берегахъ. Затѣмъ ѣдемъ опять по долинѣ Арагвы. Собственно, здѣшнее шоссе далеко отстоитъ отъ Арагвы; она отсюда не видна вплоть до послѣдней станціи передъ Тифлисомъ, Мцхета. На этомъ переѣздѣ,

въ 12 верстѣ, проѣзжаемъ черезъ разрѣзанный дорогою полуизвестковый, полуглинистый холмъ съ бывшимъ древнимъ могильникомъ. А вотъ въ верстѣ отъ могильника, слѣва отъ шоссе, виднѣются на высокой скалѣ развалины очень старинной крѣпостцы Нацхеръ, или «Вороньей башни». Въ ней сохранилась стѣна съ нѣсколькими бойницами. Крѣпостца эта защищала нѣкогда сѣверный входъ въ ущелье. По повѣрью народа, когда въ окрестныхъ горахъ, во время владычества персовъ, исповѣдывался языческій культъ идола Задена, въ ней жилъ благочестивый царь Симеонъ съ добродѣтельной дочерью Макриною и злымъ, безсердечнымъ сыномъ Мамукою. За неважностью легенды и недостаткомъ мѣста, я не привожу ее здѣсь, скажу только, что, вѣроятно, изъ данной легенды взято у грузинъ имя «Мамуки», какъ пугала дѣтей.

При углѣ впаденія свѣтлой Арагвы въ постоянно мутную, но быструю и глубокую Куру стоитъ на порядочныхъ размѣровъ покатости теперешній Мцхетъ, селеніе съ небольшимъ количествомъ жителей, съ каменными неуклюжими домами-саклями (настоящихъ же домовъ, кромѣ казенныхъ, въ немъ нѣтъ), какія мы не разъ уже встрѣчали по Военно-Грузинской дорогѣ. Словомъ, въ настоящемъ видѣ это селеніе ни чѣмъ бы не напоминало о прежнемъ величіи и славѣ Мцхета, когда онъ былъ большимъ городомъ, столицей всего грузинскаго царства, и главнымъ разсадникомъ религіознаго и культурнаго просвѣщенія страны, если бы не сохранились въ немъ до нашихъ дней такіе два памятника, какъ соборъ двѣнадцати апостоловъ и женскій самтаврскій монастырь да могилы грузинскихъ царей, начиная съ Миріана, при которомъ совершено крещеніе грузинъ въ 326 году, и кончая послѣдними царями Грузіи— Иракліемъ II и Георгіемъ XII, умершимъ въ 1800 году.

Не таковъ былъ Мцхетъ до перенесеніи столицы изъ него въ Тифлисъ *). Пишетъ *Dubois de Montpereus* въ сочин. «*Voyge*

---

*) При царѣ Вахтангѣ-Горгасланѣ въ 469 году.

autour du Caucase» *). Тогда это былъ большой, широко раскинувшійся по сосѣднимъ горамъ, богатый и славный городъ. Каждый изъ царей Грузіи считалъ своимъ долгомъ оставить какое-нибудь сооруженіе во Мцхетѣ, на память о себѣ и на славу для своей столицы. Центромъ города служила крѣпость съ соборомъ и дворцомъ царей, стоявшая тамъ, гдѣ Арагва сливается съ Курой. Вокругъ-же него, по долинамъ Куры и Арагвы съ ихъ притоками и по окружнымъ горамъ, стояли укрѣпленныя предмѣстья, хорошо защищенныя и связанныя съ центромъ города каменными стѣнами и башнями. И всюду въ этомъ городѣ кипѣла дѣятельная жизнь. Сюда вели дороги и съ запада, и съ востока, и съ сѣвера, отъ понта Евксинскаго, отъ Каспійскаго моря и черезъ горы, изъ далекихъ скиѳскихъ странъ. Поля кругомъ отличались плодородіемъ, лѣса изобиловали дичью... Здѣсь было все, что нужно для большого города. Тутъ же жили цари; здѣсь была и каѳедра митрополитовъ и патріарховъ-католикосовъ Грузіи. Съ тѣхъ же поръ, какъ столица царства была перенесена въ Тифлисъ,—стала меркнуть звѣзда Мцхета, и много ужъ вѣковъ назадъ она почти совсѣмъ погасла. Очень важнымъ доказательствомъ древности поселеній во Мцхетѣ и кругомъ его служитъ многовѣковой могильникъ, раскопанный при прорытіи траншеи для шоссейнаго полотна въ 1871 г., вблизи селенія и разслѣдованный теперь археологами. Даже слово «Мцхетъ» нѣкоторые производятъ отъ имени сына Картлоса, праправнука Ноя, —Мцхетоса, якобы основателя этого города. Кромѣ того, въ окрестностяхъ Мцхета существуютъ еще и до сихъ поръ многіе памятники, имѣющіе связь съ исторіей грузинской церкви и проповѣдницею ея, св. Ниною. Такъ, въ трехъ верстахъ отъ Мцхета, за Арагвой, находятся пещерные города сирійскихъ отцевъ—Задазнійскій и Шіо-Мгвинскій, и за Арагвой же, налѣво, въ виду селенія и почтовой дороги, высится каменная часовня, Джварисъ-Секдари

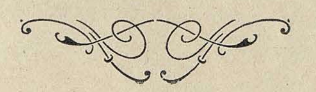
*) Это и многія другія иностранныя сочиненія о Кавказѣ находятся въ Тифлисской публичной библіотекѣ-книгохранилищѣ (книги изъ нея на домъ не выдаются). Есть тамъ весьма старинныя книги, составляющія библіографическую рѣдкость.

(цер. креста), знаменитая тѣмъ, что на этомъ мѣстѣ проповѣдница Евангелія царствія Божія, св. Нина, впервые водрузила крестъ. Часовня эта построена въ 575 году, а вновь исправлялась въ 639 году, и, какъ говорятъ, съ тѣхъ поръ не возобновлялась. Она прекрасно видна и со станціи. Помня историческія данныя о Мцхетѣ, соборѣ его и монастырѣ, мнѣ очень хотѣлось непосредственно осмотрѣть всѣ достопримѣчательности ихъ, и я рѣшился было, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, съ такой цѣлью отправиться оттуда во Мцхетъ, но по независящимъ причинамъ мнѣ этого не удалось пока. Во время же моего проѣзда, я могъ обратить свое вниманіе только на внѣшнюю сторону видѣнныхъ предметовъ, доступную всякому туристу, хотя бы и съ небольшими предварительными свѣдѣніями, съ путеводителемъ въ рукахъ и при такомъ компаніонѣ, какимъ оказался одинъ изъ нашихъ пассажировъ.

Изъ селенія мы двинулись, разсматривая въ полевой бинокль окружающую мѣстность, къ послѣдней путевой станціи, такъ приблизительно на версту отстоящей отъ сел. Мцхета. Вблизи ст. проходитъ желѣзнодор. полотно Поти-Тифлисской дороги и недалеко находится ж.-д. ст. «Мцхетъ».

Но, очевидно, и эта ближайшая и удобнѣйшая дорога не оживляетъ померкшаго Мцхета. Все въ немъ спитъ, какъ бы заставляя тѣмъ скорѣе вспомнить и подумать о его цвѣтущемъ прошломъ. Къ Тифлису дорога становится еще печальнѣе: все сѣро тутъ, не на чемъ остановиться взору: слѣва течетъ въ мертвыхъ берегахъ Кура, а справа однѣ голыя горы. ни малѣйшей растительности; камни, песокъ и глина, глина и камни. Почти нѣтъ признаковъ жизни, развѣ встрѣтится грязная арба да услышишь отдаленный свистъ паровоза закавказ. жел. дороги и, только... Но утѣшаешь себя мыслью, что вотъ, вотъ скоро настоящая столица Кавказа, умственный центръ его. Теперь тамъ юбилейная сельскохозяйственная выставка, которая дастъ наглядное представленіе о производительности края; наконецъ, рѣдкости городскія и торжественное празднество по случаю столѣтняго юбилея присоединенія грузинскаго царства къ Россійской имперіи... Заранѣе предвкушая все это, мы

спѣшимъ туда. Съ высокаго подъѣздного шоссе стараемся разглядѣть Тифлисъ. Но что-то сѣро и тамъ, вдали... Вотъ появляются огни, городъ освѣщается, т. к. наступилъ вечеръ. Разбросанный на многоверстномъ разстояніи по огромной и неровной котловинѣ, онъ обозначается не вдругъ, а по частямъ, ближнія предгорья оттѣсняютъ его отъ насъ. Прежде всего показалась сѣверо-восточная часть города, перерѣзанная Курою и въ одномъ мѣстѣ (на выставкѣ) довольно ярко освѣщенная электричествомъ; затѣмъ юго-восточная и, наконецъ, показался западпый хребетъ горы св. Давида; на немъ иллюминація, горятъ, какъ видно, смоляныя бочки. По случаю празднества иллюминація и въ самомъ городѣ. Въ предмѣстьи, на скаковомъ кругу, только что закончились угощенія кавказскихъ ветерановъ и представителей народностей. По т. наз. Верійскому подъему вступаемъ въ Тифлисъ, а затѣмъ и въ центръ его, на Головинскій проспектъ. Тутъ застаемъ все и вся въ праздничномъ настроеніи... Улицы украшены флагами, свѣтятъ разноцвѣтные огни, пускаются ракеты, фейерверки: всюду движеніе, говоръ, радостное настроеніе гуляющей и веселящейся толпы. Бывшая столица Грузіи превратилась съ 26 сентября въ шумный, ликующій городъ,—она оффиціально справляла свой юбилей въ присутствіи царственныхъ гостей, Высочайшихъ Особъ: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Ея Королевскаго Величества Королевы эллиновъ Ольги Константиновны, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Георгія Михаиловича съ Августѣйшею Супругою Великой Княгиней Маріей Георгіевной, Великой Княжны Елены Владиміровны, греческихъ королевичей Андрея и Христофора Георгіевичей.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
6	30	великолѣпныя горныя виды	великолѣпные горные виды.
8	16	знѣлища	зрѣлища.
—	18	хралъ	храмъ.
13	7	ссли	если.
14	21	Блеженства	Блаженства.
—	23	Ждейрана	джейрана.
15	3	Владникъ	Всадникъ.
—	9	нлечо	плечо.
18	18	на иихъ	на нихъ.
—	24	Ланшафты	Ландшафты.
22	4	нодчиненныхъ	подчиненныхъ.
—	19	зтотъ	этотъ.
26	31	до перенесеніи	до перенесенія.
27	6	парей	царей.

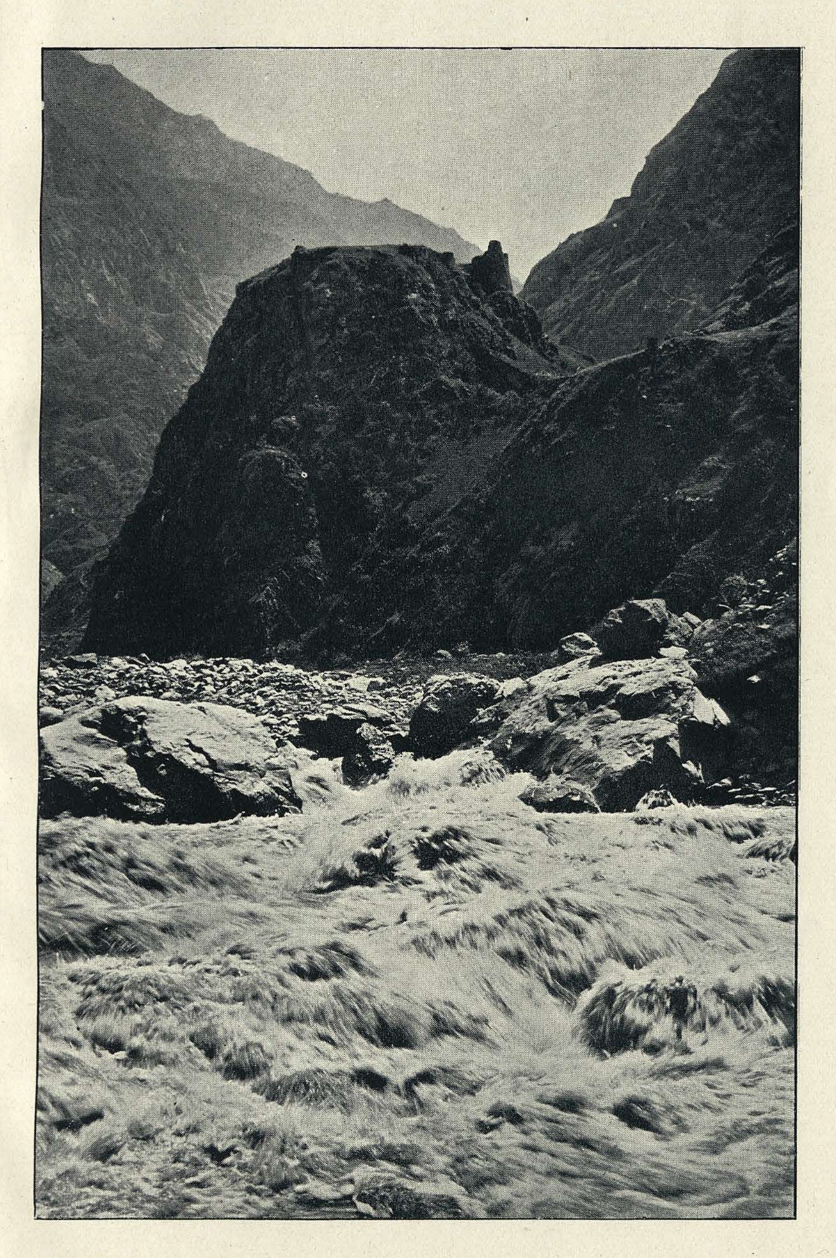
Воен.-груз.-дор. Второй Редантъ.

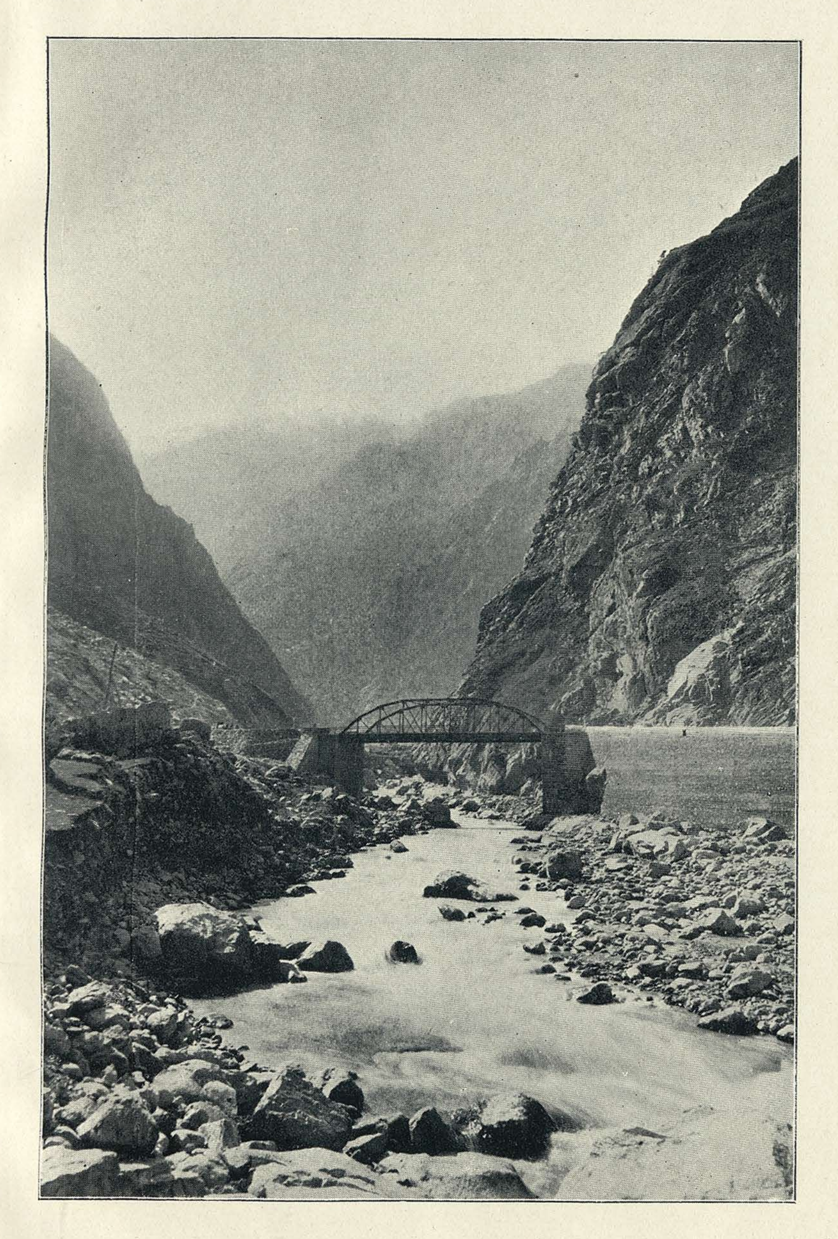
Воен.-груз.-дор. Скала „Пронеси Господи“

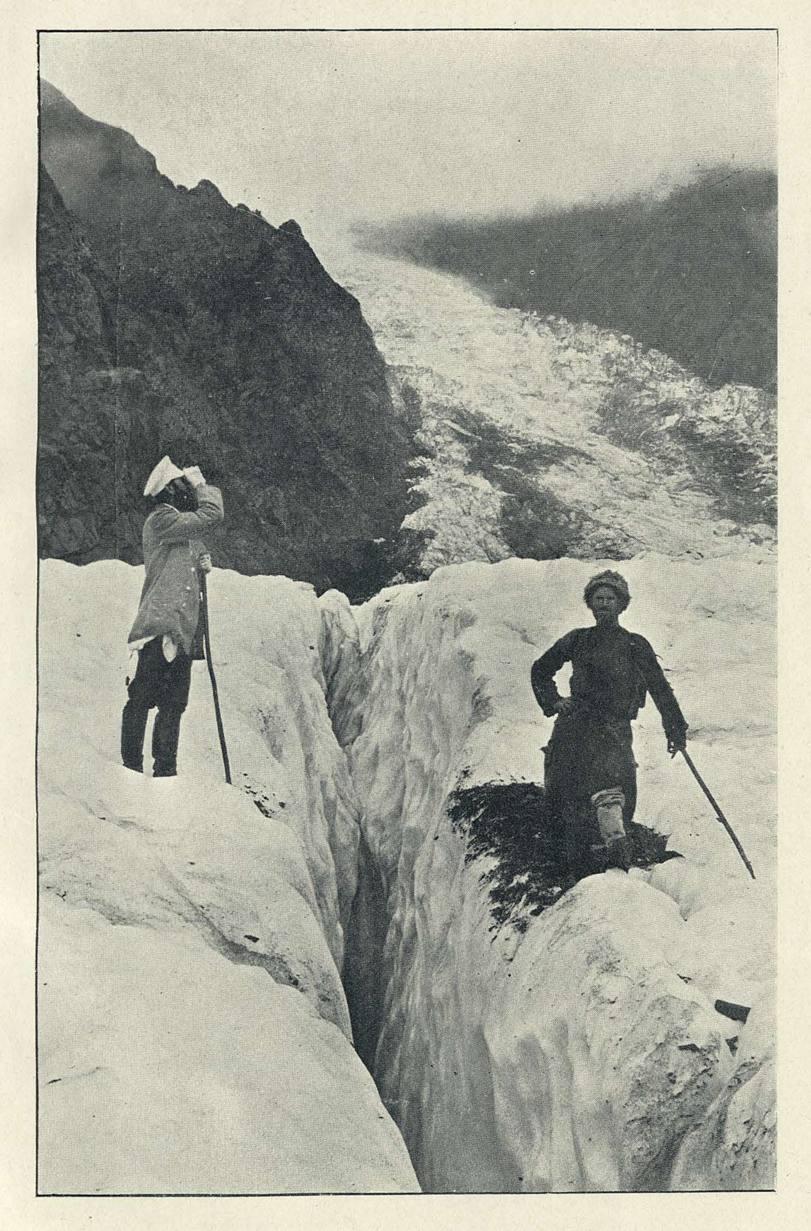
Воен.-груз.-дор. Видъ тѣснины Дарьяла.

Воен.-груз.-дор. Замокъ Тамары.

Воен.-груз.-дор. Дарьяльское ущелье.

Кавказъ. Девдорагскій ледникъ.

Владикавказъ. Девдорагскій ледникъ, трещина на нижн. концѣ.

Воен.-груз.-дор. Терекское ущелье близъ станц. Казбекъ.

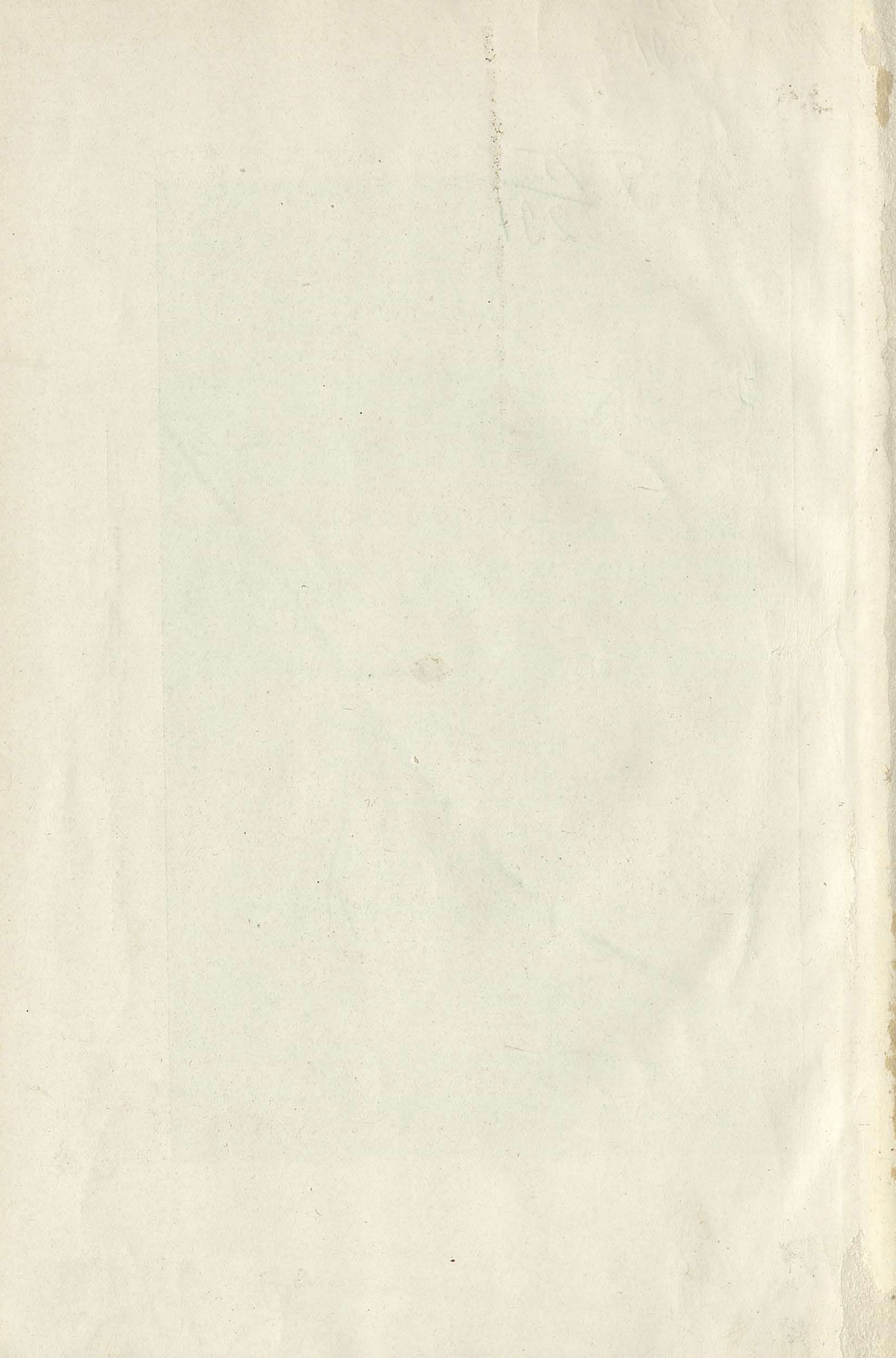
Воен.-груз.-дор. Гора Казбекъ.

Воен.-груз.-дор. Пассанаурское ущелье. Проѣздъ подъ отвѣсной скалой.

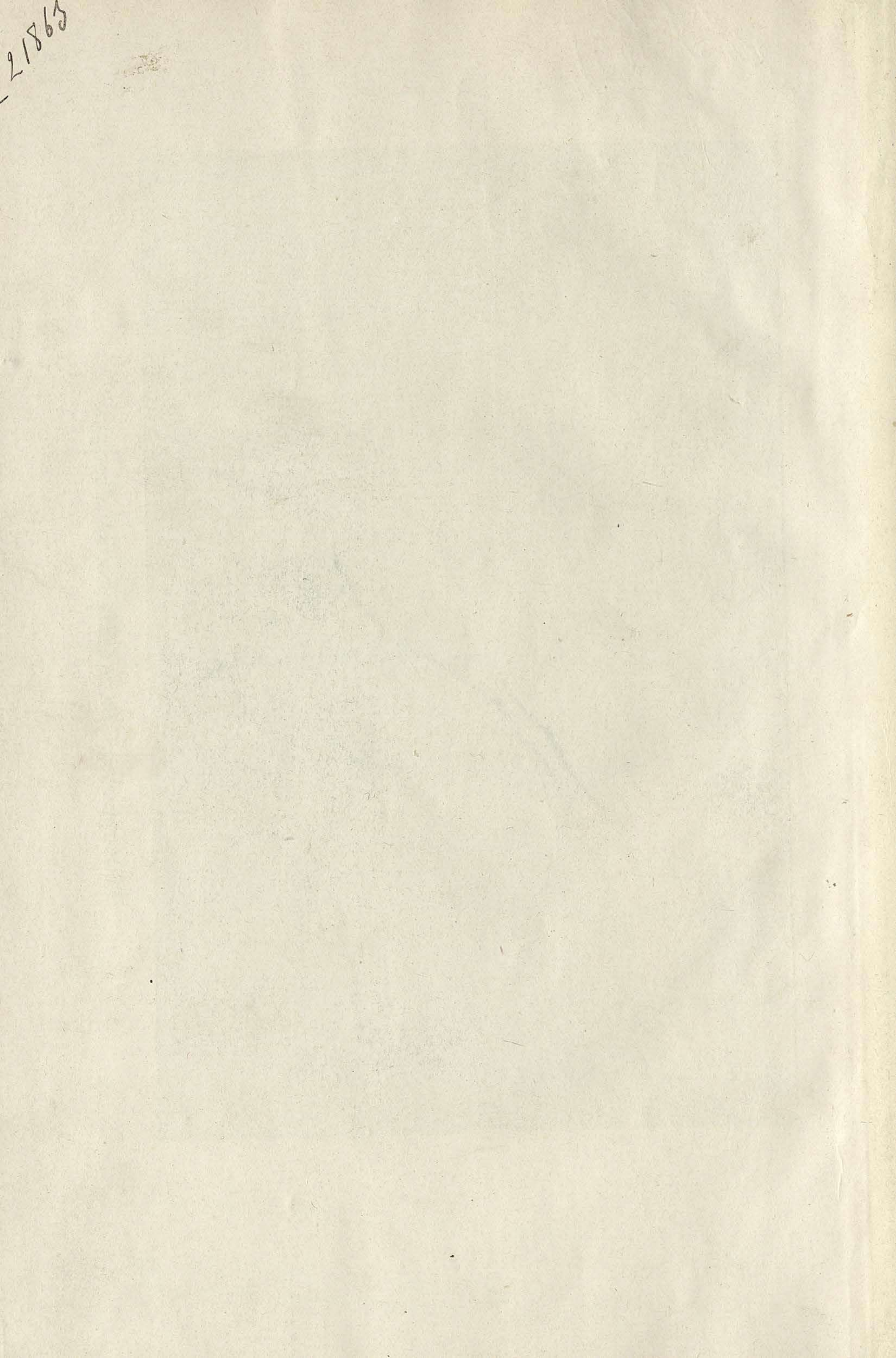

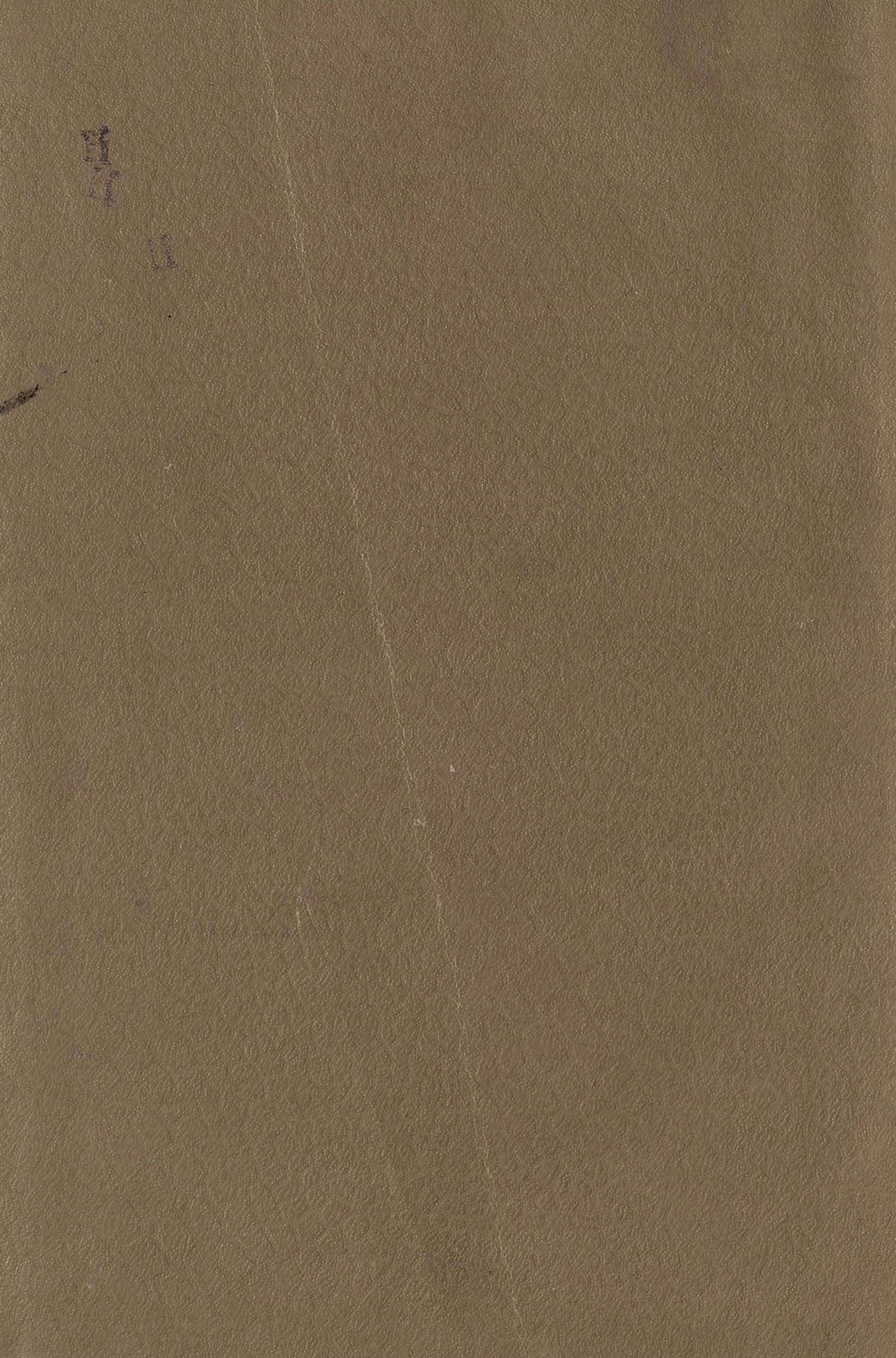
Воен.-груз.-дор. Берега Терека у горы Сіонской.

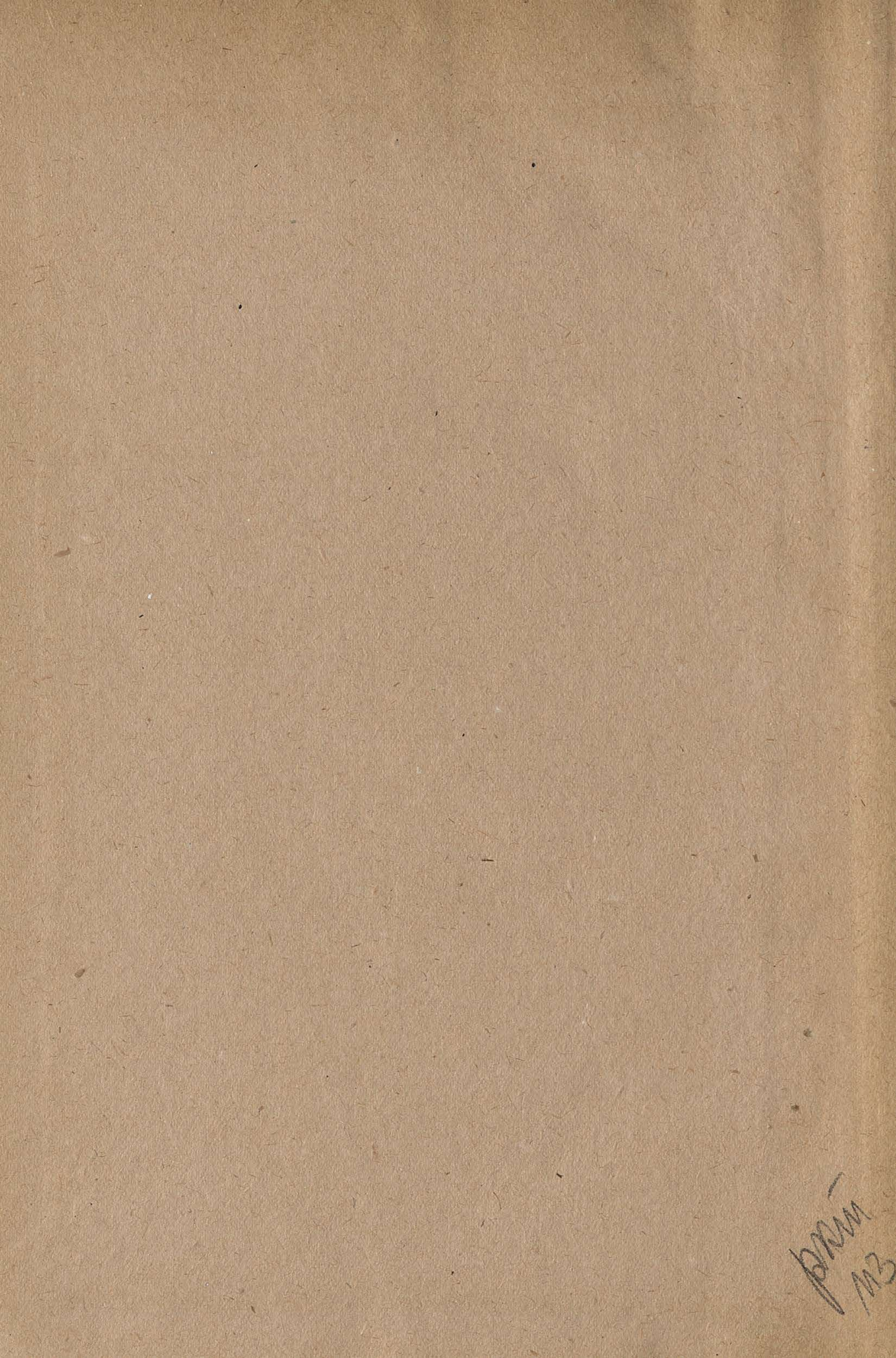

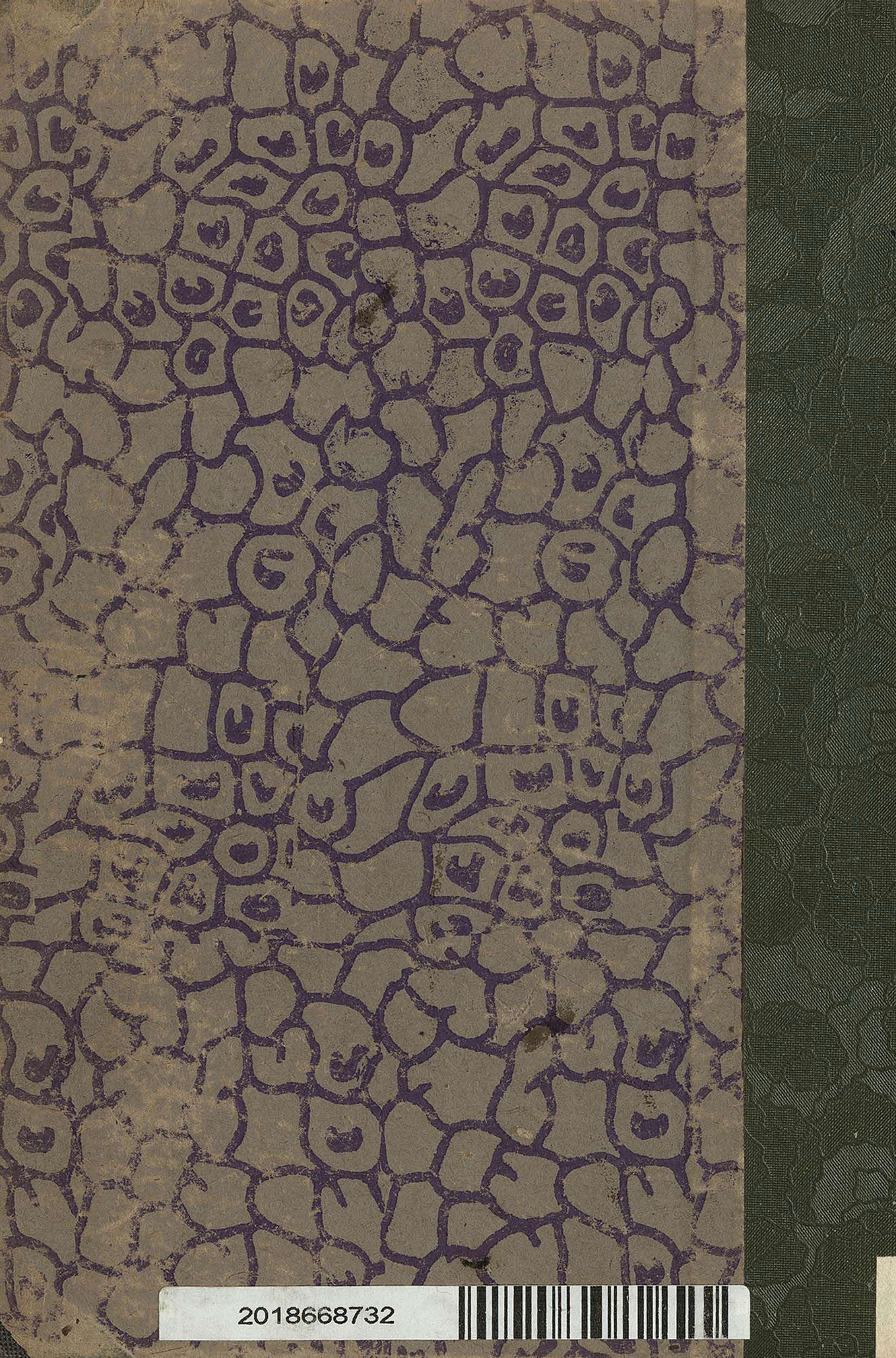

Воен.-груз.-дор. Видъ близъ селенія „Фартаукъ."

2018668732